

НЕКРАСОВ В.А. — в ПОМПОЛИТ

НЕКРАСОВ Владимир Александрович, родился в 1872. Получил среднее техническое образование; с 1880-х — во время учебы вынужден был работать, так как остался сиротой. В 1920-х — работал техником на станции Тулун Томской железной дороги. 16 декабря 1929 — арестован и заключен в Иркутскую тюрьму. В марте 1930 — приговорен за антисоветскую агитацию к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг (Мариинск). Работал по специальности на строительстве железной дороги Кузнецк — рудник Темир-Тау, летом 1931 — отправлен на работу в Кузнецкий округ. В январе 1932 — просил помощи Помполита.

<5 января 1932>

«В Комитет Помощи Политическим заключенным
в г<ород> Москву, Кузнецкий мост, дом № 24

От заключенного в Сибир<ских>
лагерях техника Владимира
Александровича Некрасова

Прошение

10-го ноября 1931 года мною было послано на имя Председательницы Комитета помощи политзаключенным Екатерины Павловны Пешковой официальное письмо, с приложением ходатайства на имя Верховного Прокурора Республики, о пересмотре моего дела и освобождении меня из заключения. При этом же были приложены: своя автобиография и два письма, одно от больной старушки, одинокой жены, и другое от доброй ее соседки, принявшей участие в судьбе несчастной женщины.

Ответа на свое ходатайство я до сего времени не получил.

Настоящим я вторично еще раз прошу помочь нам, бедным старым больным людям, так жестоко и несправедливо наказанным судьбой.

Я — слезами, кровью своего сердца пишу эти строки и еще раз прилагаю одно, только что полученное письмо от больной престарелой жены, из которого усматриваются страдания ни в чем не повинных людей. Умоляю Вас, прочтите это письмо! Оно красноречивее всяких доводов рисует положение, которое могут переживать несчастные люди.

В предыдущем своем вышеназванном письме-ходатайстве была изложена вся печальная страница моей жизни, с момента заключения сначала в тюрьму, а затем в концлагерь.

Мне от роду 58 лет, мой служебный стаж — 40 лет, а трудовой еще более. Я техник, сын трудовой семьи — сирота. С большими усилиями добился образования. Всю жизнь трудился, был образцовым служащим, всегда аккуратным и честным тружеником.

Перед лишением меня свободы я состоял на службе техником в 11-м участке Отдела путей Томской жел<езной> дор<оги>, на ст<анции> Тулун. Где по клеветническому и ложному доносу, совершенно ни за что был 16 декабря 1929 года арестован агентами Тулунского жел<езно>дор<ного> Т<ранспортного> О<тдела> ОГПУ.

Затем отбываю 3 месяца ужасного заключения в Иркутской тюрьме, после чего по объявлении мне без суда и следствия о постановлении П<олномочного> П<редставителя> <ОГПУ> о заключении меня в лагеря на 10 лет (!?). Я, совершенно ни в чем не повинный, под строгой конвойной охраной препровождаюсь уже как преступник по данной мне статье 58 пункт 10 в Мариинскую тюрьму, а затем в город Томск. Лето 1930 года, в

ужасных принудительных условиях труда работаю по специальности на постройке железнодорожной линии г<ород> Кузнецк — рудник Темир-Тау — 108 км к югу от г<орода> Кузнецка. Зимой между обеими работами провел в ужасных условиях: различные этапы, скученность жизни несчастных заключенных, непосильный принудительный труд, плохое питание и паразиты и т<ак> д<алее>.

Работая в принудительном порядке почти бесплатно, я терплю, больной, несчастный и изнуренный старик, все трудности лагерной жизни — изнурительный непосильный труд под постоянной угрозой всевозможных административных взысканий и даже лишения возможности ходатайствовать и просить о смягчении своей участи или пересмотре моего дела (какого?)

Неоднократные мои обращения в разные высокие учреждения с ходатайствами о своем освобождении и пересмотре дела успеха не имели, и ни на одно из них я не получил уведомления, хотя бы даже в отказе.

Разве не ужасно, не жутко состояние и сознание полной безнадежности человека, не знающего даже, за что он страдает!

Мне скоро будет уже 60 лет, я уже полный инвалид. Отдав все лучшие годы своей жизни и все силы на служение обществу, народу и родине, я под конец своих дней делаюсь без вины виноватым, переношу невыносимые нравственные и физические страдания, лагерную жизнь, суровую охрану, невольно допуская до невыносимых страданий любимую старушку-жену, оставленную в ужасном состоянии (еще раз прошу прочесть прилагаемое письмо). У бедной и несчастной больной старухи, пользуясь моим отсутствием, конфискуют последнее нищенское имущество и пропитание включительно, до выгона зимой на улицу. Разве это не ужас!

Еще и еще раз прошу Вас, помогите нам! Я смело прошу, наконец, во имя справедливости требую своего освобождения из заключения, дать мне возможность похоронить умирающую жену и самому умереть спокойно. Мы совершенно одинокие люди, за нас некому похлопотать и заступиться, — съездить в Москву и лично обратиться о заступничестве.

В настоящий момент я нахожусь и передан Сиблагом конторе 7 участка Сиб<ирского> стройпути (временно), за окончанием нашей ж<елез-но>д<орожной> постройки участок ликвидируется. Здесь я пробуду до 15 января. Адрес мой: Почтовое отделение Мундебаги Запад<но>-Сиб<ир-ского> Края Кузнецкого Округа, Контора 7-я, технику В. А. Некрасову. К 15-му января я буду отозван в г<ород> Кузнецк, а дальнейшего своего этапа не знаю, и куда буду направлен на работу, мне не известно.

Жена моя проживает в гор<оде> Зима Восточно-Сибирского Края, Интернациональная ул<ица>, дом № 14. Имя и фамилия: Елена Северьяновна Некрасова. Город Зима находится, не доезжая до Иркутска 250 км.

Еще раз прошу прочесть мое первое ходатайство от 10 ноября 31 г<ода> и если необходимо, то запросить обо мне и жене с мест. Войдите в наше положение, помогите нам и заступитесь за нас. Прошу и умоляю Вас!

Заключенный техник В. Некрасов.

Января 5 дня 1932 г<ода>.

Прошу не отказать мне своим ответом. 2 с лишним года моего заключения дают мне право надеяться на благополучный ответ на это последнее мое ходатайство»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409 Оп. 1. Д. 755. С. 148-149. Автограф.